

Языковая политика — шаг к тому, чтобы российское образование стало лучшим в мире*

* Статья выражает личную позицию автора.

Юрий КРУПНОВ, начальник отдела научно-методического обеспечения развития образования Управления информационных технологий в образовании Министерства образования, лауреат премии президента Российской Федерации в области образования 2000 года

В начале было слово...

В России происходит идентификационная катастрофа. Большинство людей в наши дни попросту неспособны помыслить самые простые и главные вещи: кто мы такие? Каково наше предназначение в современном мире и в истории? Кем нам быть и как восстанавливать страну? Что произошло в 1991 и в 1993 годах? И что мы должны строить в целом? Кем и где, здесь или «за бугром» работать нам и нашим детям? На каких основаниях принимать важнейшие жизненные и бытовые решения?.. Роберт Коттрелл пишет в статье «В поисках политики» (Financial Times. 22.02.2001): «Почему у России такая слабая внешняя политика? Основной ответ состоит в том, что у страны до сих пор нет чёткого или стабильного национального интереса, возможно, у неё нет даже национальной идентичности. Это демократическое, но не либеральное государство. Бедное, относительно слабое, но постоянно требующее, чтобы к нему относились как к богатому и влиятельному. Пока Россия не решит, какой страной она хочет быть, она не сможет понять, в чём состоят её долгосрочные интересы...»

То, что мы находимся в эпицентре идентификационной катастрофы, очень заметно по стратегическим формулам и ориентирам Президента Российской Федерации В.В. Путина. В его программной статье «Россия на рубеже III тысячелетия» (декабрь 1999 года) утверждается, что если мы будем стараться, то к 2015 году вполне можем стать Португалией или даже Бразилией. После обсуждения с академиками в Сочи проблемы «утечки мозгов» (в это время, как все помнят, на наших с вами глазах погибал экипаж подводной лодки «Курск», а капитан-лейтенант Колесников, задыхаясь и замерзая вместе с боевыми товарищами, в своей предсмертной записке писал нам с вами: «Главное, не надо отчаиваться...»), президент заявил, что мы должны стать как Индия, а наша молодёжь должна стать такой же, как славные индийские программисты. Наконец, по последним сведениям, говорят, что после визита в Канаду, президент в узком кругу сказал, что России имело бы смысл стать такой как Канада. Если ещё к этому разнообразно добавить название популярной книги А. Паршева, вышедшей как раз в конце 1999 – начале 2000 г. «Почему Россия не Америка?», то станет ясно, что наше расхристанное и разорванное российское сознание до последней степени разладилось и разрушилось, потеряло форму и мощь.

Но... «не надо отчаиваться!»

Президенты не рождаются профпригодными и соответствующими своим высоким местам. Нефиктивные президенты, как и всё великое, образуются в поражениях и в боли, в попытках правильно и точно ставить самые важные вопросы для себя, страны и мира.

У президента Путина есть дар точного слова. Как бы ни относиться к «корректности» его знаменитого «мочить в сортире!», но за этим стоит умение подчиняться высшему уму языка. Ведь язык всегда умнее человека. А чего стоит его из сердца идущее замечание конца 1999 года: «У нас, куда ни глянь, везде Чечня!». Вот эти мелкие, казалось бы, штрихи дают основание надеяться на рост президентского самосознания. Наконец, сама фамилия нашего президента говорит о том, что у него есть возможность организовать подлинное самоопределение страны и наметить соответствующий тысячелетней российской государственности путь. Кто, как не Путин, призван выработать путь страны?

Тем более что, по отдельным отрывочным сообщениям, возможна такая ситуация, когда супруга президента, филолог по образованию, всерьёз возьмётся за выработку языковой политики России. Это могло бы иметь выдающееся значение. И именно с **языковой политики следует начинать, если мы хотим восстановить достоинство страны и не опозорить окончательно наши традиции.**

Нет ничего важнее сегодня, чем восстановление в правах смысла и назначения языка в жизни страны. Разумеется, прежде всего — русского языка.

Образовательный смысл языка

Главный смысл и работа языка — образовательные. Конечно, необходимо термин «образование» понимать не ведомственно, а буквально, как делание по конкретному образцу и подобию, как органичное и осмысленное нормирование. Именно так понимали образование и образованность в конце XVIII – начале XIX века, когда писали, в частности в указе Правительствующему сенату «Об устройстве народных училищ» от 24 января 1803 года, «нравственное образование», «образование нравственности», «образование ума».

Язык есть чудесная способность порождать, различать и удерживать в совместном видении самые важные для мировой, народной и личной жизни идеи, сами принципы и основания жизни. Именно язык посредством своих форм определяет направленность (интенциональность) сознания, то, куда именно глядит человек, народ и мир, то, какой именно образ люди созидают и удерживают как самое главное для себя, поскольку этот образ представляет того и то, кого и что они любят, кому и чему верят.

Выделяя, выстраивая и удерживая с помощью языка конкретный образ как центральный предмет своего сознания люди, долговременно, в разных ситуациях и случаях нормируют и определяют своё мышление, деятельность, речи, поступки — определяют совместно разглядываемыми образами свои намерения и цели. Тем самым — образуют и образуют себя и мир. Языком люди совместно видят, со-видят самое важное, жизнеутверждающее для себя.

Выдающийся русский мыслитель, историкософ, скончавшийся 25 января этого года, Вадим Валерьянович Кожинов писал в книге «Россия. Век XX. (1939–1964), Опыт беспристрастного исследования» (издательство «Алгоритм») о том, что он «ясно помнит, как в 1942 году молодая школьная учительница, жених которой находился на фронте, созывает всех обитателей своего двора — несколько десятков самых разных людей — и, задыхаясь от волнения, смахивая с ресниц слёзы, читает только что дошедшее до неё переписанное от руки симоновское «Жди меня», и не исключено, что в то же время где-нибудь во фронтовом блиндаже читал то же стихотворение и её жених». В этой внешне простой картинке — вся функция языка: определять со-видение. Именно эта способность к со-видениям через кинофильм «Александр Невский», через «Синий платочек» и другие выдающиеся образы русского духа с опорой на великую русскую литературу и русскую песню и определили решимость выиграть войну. Жених поднимался в атаку под пули, а невеста работала не за страх, а за совесть, поскольку благодаря таким произведениям, как «Жди меня», они одновременно видели и принимали в качестве самого важного возвращение и встречу — свою и встречи других тысяч и тысяч женихов и невест, сыновей и матерей.

Начертывая, нашептывая, декламируя, произнося, пропевая, прорисовывая, прокрикивая, плача и голося, через дорогие нам «черты и ризы» мы самопреобразуем себя и утверждаем тот образ, по подобию чего мы готовы образовываться и быть: как конкретные люди, как конкретная общность, как народ, как человечество. Именно в этом смысле надо, как представляется, понимать мысль начальника Главного управления международного военного сотрудничества генерал-полковника Л.Г. Ивашова: «Когда был назначен новый министр обороны, один из высокопоставленных военных задал мне вопрос — с чего начинать военную реформу. Я ответил весьма нетрадиционно: я бы начал с **создания хорошей военной песни.**

С этой точки зрения, язык есть то высшее объективное, благодаря чему мы можем воспроизводить и утверждать свою человечность, вырабатывать через построение образа и старание соответствовать ему подлинное «Я», свою позицию, свой принцип бытия. И именно поэтому язык — это **логос**, тот образцовый субъект, что организует субъектность и моего, и нашего «Я». И именно поэтому вначале было Слово как Логос, и только с его помощью — как «высшего, не знающего пределов разума» — (этими словами Гегель начинает своё изложение Евангелия от Иоанна) всё могло и может быть. Эта формула Логоса является традиционной для христианско-эллинской логической традиции.

Язык, организуя со-видение, **определяет конкретно-историческую совесть человека, народа и мира**. Мы, конечно, не имеем в виду совесть как моральный факт. Мы понимаем совесть как со-ведение, совместное знание. Со-видение духовных оснований жизни, совместное разглядывание идей, совместное и одновременно раздельное удерживание «со-идеального».

Когда люди говорят, «Да есть ли у тебя совесть?», «Совести у тебя нет...», «Посоветился бы», они имеют в виду — как ты мог подобное сделать или подумать, в свете того, как на это смотрят дорогие тебе люди и сам Бог.

И это очень страшная — но и подлинно человеческая — реальность: понимать, что на тебя каждую секунду может смотреть, если пожелает, Бог, человечество, твой народ, твои любимые и дорогие люди, твои родители и твои дети. И то, что ты делаешь, то, что ты намереваешься делать — либо идёт вразрез с их видением твоего предназначения и призвания, либо ты исходно выстраиваешь форму своей жизни и действия сообразно к этим дорогим для тебя со-видениям и со-взглядам.

А как такую форму выстраивать, как восстанавливать и определять образ жизни и действия? Только с помощью языка.

Ещё ждёт своих разработчиков замечательная идея В. Гумбольдта о внутренней деятельностной форме языка. Именно эту идею имеет смысл рассматривать в качестве базовой технологической основы языковой политики.

С нашей точки зрения, внутренняя форма и формы языка и составляют, образуют сферу духа или, пользуясь термином П.А. Флоренского в его письме В.И. Вернадскому, — пневмосферу.

«...Мысль о существовании в биосфере, или, может быть, на биосфере того, что можно было бы назвать пневмосферой, т.е. о существовании особой части вещества, вовлеченной в круговорот культуры или, точнее, круговорот духа. ... есть много данных, правда, ещё недостаточно оформленных, намекающих на особую стойкость вещественных образований, проработанных духом, например, предметов искусства. Это заставляет подозревать существование и соответственной особой сферы вещества в космосе» (Священник П.А. Флоренский. Сочинения в 4 т. Т. 3., С. 451–452).

Правильно организованный язык и есть форма и вещество, вещественная форма сферы духа.

Языковая политика и состоит в определении приоритетных языковых форм и форм сознания, тех качеств, которые определяют реальное качество жизни. Здесь очень верна формула: скажите, какой язык используется — и станет ясно, какой мир строит и культивирует этот человек.

Нет ничего более принудительного и авторитарного, чем неконтролируемая языковая форма. Именно поэтому при отсутствии ясной языковой политики безраздельно царствуют низкие языковые формы, которые бесконечно тиражируют и множат средства массовой информации. Неумение видеть языковую форму, определять и целенаправленно использовать её ведёт к самому страшному виду тоталитаризма и фашизма — **к языковому стиранию сознания.**

Проблема поражения сознания, слома его образной структуры, навязывание чужой идентификации достаточно подробно описана в специальном выпуске альманаха «Россия-2010» (М.: Пайдейя, 1997). Здесь же важно подчеркнуть беспощадную агрессию рас-

христанного и выхолощенного языка, особенно, разумеется, в отношении детей и подростков.

Серьёзное отношение к языку, культивирование способности понимать и правильно использовать языковые формы является единственно возможным основанием для расцвета и реального своеобразия каждого человека, народа и страны.

Язык определяет намерения и направленность сознаний, поскольку позволяет формулировать в качестве именного и уникального тот образ, который утверждается в качестве программы, предписания. Когда невеста, в вышеприведённом примере В.В. Кожина, читала соседям «Жди меня», она заявляла своё личное решение ждать жениха, свою программу и надеялась, что и её жених, единственный и неповторимый, разделяет с ней эту программу.

Именованье, придание знаку абсолютного и неповторимого смысла и задаёт знаменный смысл языка. Язык через именованье и определение направленности сознания создаёт возможность абсолютного своеобразия каждого человека и каждого народа. Именно через язык только и может происходить выявление подлинной формы каждого человека и каждой личности, каждого народа и каждой государственности на Земле.

Восстанавливая язык, мы вылепливаем нашу собственную форму, заново образуем человечность и человечество, народ и самих себя, восстанавливаем наше призвание и смысл. Правильная языковая политика позволит России стать сердцем ответственного мирового сообщества, стать мировой державой. Правильная языковая политика — это когда язык начинает творить народ, восстанавливать страну и государственность, воспитывать всечеловечность (Ф.М. Достоевский). Поэтому языковая политика нужна для выявления формы каждого человека, каждой личности, каждого народа и каждой государственности на Земле.

Язык творит народ, восстанавливает страну

С нашей точки зрения, Россия сегодня переживает ситуацию вырождения народа в жалкое население, которое бабьей завистью позарилось на прелести развитого мира (по преимуществу нафантазированные) и на удобные в хозяйстве вещи и потому с готовностью сдало и предало всё и вся, вплоть до своих стариков-пенсииеров — живых хранителей российских традиций и исторического самосознания.

Провинциализация, маргинализация и деградация российского населения дошла до предела, до — да простят автора все замечательные народы и страны Северной Америки и Европы, Азии, Африки и Латинской Америки, — не только европеизации и западнизации, американизации, азиатизации и латиноамериканизации, но теперь уже и до африканизации.

Как однажды заметил хороший писатель, ветеран советской внешней разведки Игорь Николаевич Прелин, с десятков лет проработавший в Африке, «...великая традиционная Африка отличается от нас тем, что не знает промышленности, образования, науки и многовековой литературы как немагических средств восстановления и управления миром, средств отношения к судьбам бытия».

Вот и мы сегодня близки к полной потере суверенитета (финансового, военного, территориального, программно-операционного и пр.) и к состоянию, когда люмпенизированное население готово принять любые магические призывы и решения — и не важно, в поддержку или против Америки (дело-то давно не в ней!). Страна не обсуждает даже изредка ни проблему восстановления себя в качестве мировой державы, ни то, как должна выстраиваться новая национальная промышленная система, высокое качество образования для каждого без исключения российского ребёнка и подростка, непобедимая армия и оборона, крепкая сельская жизнь. Языковая ситуация России сегодня один к одному схожа с той, которую по отношению к так называемым примитивным племенам Южной Америки описывал век назад Дж. Фрезер: «Новые слова, по сообщению миссионера, ежегодно вырастали как грибы после дождя, потому что все слова, имевшие сходство с именами

умерших, особым объявлением исключались из языка и на их место придумывались новые. «Чеканка» новых слов находилась в ведении старейших женщин племени, так что слова, получившие их одобрение и пущенные ими в обращение, тут же без ропота принимались всеми абипонами (племя в Парагвае) и, подобно языкам пламени, распространялись по всем стоянкам и поселениям. Вас, возможно, удивит, добавляет тот же миссионер, покорность, с какой целый народ подчиняется решению какой-либо ведьмы, и та быстрота, с какой старые привычные слова полностью выходят из обращения и никогда, разве что в силу привычки или по забывчивости, более не произносятся...» Цитирую по кн.: *Мечковская Н.Б. Язык и религия: Пособие для студентов гуманитарных вузов. М., Агентство «ФАИР», 1998. С. 54.*

Чем не портрет современного телевидения и Интернета, кишащего этими «какими-нибудь ведьмами»?

«Наведение конституционного порядка» в Чечне ровно через год после принятия Конституции, ради которой из танков в центре Москвы расстреляли Верховный Совет и «проведение антитеррористической операции» в Чечне после, надемся не специально, организованных террористических актов, уничтожения 300 человек в жилых домах в Буйнакске, Москве, Волгодонске — разве эта изошрённая риторика превосходит по уровню общественной организации жизни, по сложности общественной формы парагвайские племена и не является точно такой же магией?

Отличия основной массы наших журналистов и тьмы гуру-экономистов от этих «старейших женщин племён» состоит лишь в том, что те «ведьмы» работали всерьёз и на совесть, им некуда было бежать и у них не было второй работы и второго гражданства в тех местах, где их рекомендациями не пользовались и которые благодаря этому благополучно сохранились.

В эти критические, почти гиблые времена, когда самой российской государственности, русскому народу и всем народам русского языка грозит банальное вычёркивание из всемирной истории, мы и должны обратиться к последнему и заветному средству — русскому языку. Тогда получается, что чрезвычайно затёртое выражение «язык творит народ» следует, с нашей точки зрения, прочесть и понять буквально, слева-направо: именно языком можно и нужно, как это ни страшно даже произнести, создавать наново и перевоссоздавать российский народ XXI века. Именно новый русский язык мы обязаны создать заново в качестве последнего и действенного средства возрождения нашего народа и страны.

Сотворение нового русского языка, полагаем, также поможет нам и достаточно просто разрешить проблему различения российского и русского народов: российский народ — это все народы и отдельные люди русского языка, это та общность, которая считает русский язык своим родным, хотя это и не означает отказа от любого второго языка в качестве второго родного.

Конечно, всем хорошо известны традиционные и обоснованные рассуждения исследователей о том, что сначала творится история и живётся жизнь, а потом происходит оформление нажитого в языке. Но решимся возразить. Это неправильный взгляд на язык. По крайней мере не единственно возможный и не единственно истинный, поскольку он основывается на познавательном отношении к языку как к объекту природы. Но язык вообще и тем более язык народа, имеющего тысячелетнюю письменную историю, как живой и гуманитарный «объект», характеризуется принципиальной своей онтологичностью и субъектностью как нормой его существования. Нам кажется, что мы познаём язык, а он, одновременно равноправно, познает нас. Или иначе: через удерживаемое нами состояние языка наши предки, наша история и сам Господь познают нас. Язык — это то, через что нас познаёт и оценивает Бог, Всемирная история и родовая традиция. **Поэтому в отношении языка познавательного интереса абсолютно недостаточно, необходима забота о языке, использование языка для ответа перед теми, кто образует нашу совесть и перед кем нам бывает стыдно. Национальный язык является полем проявления и предъявления народом своей ответственности за себя и за мир, за свою и мировую судьбы.**

То, что познание не является предельной формой сохранения жизни, особенно очевидно в гибельные времена, во времена близкой смерти страны и её народов. И в такие нынешние времена язык уже не может восприниматься исключительно как средство познания или выражения существующего мира. Язык должен начинать рассматриваться в качестве средства выражения народного и мирового идеала, того должного и желаемого мира, в котором будет Россия, и её существование обретёт безусловный вселенский смысл.

Итак, помимо познания, не менее правилен и достоверен проектно-программный подход к языку, когда язык начинает рассматриваться в качестве средства общественного развития, восстановления и развития страны и мира.

Посмотрите? как рассуждают наиболее чуткие представители, казалось бы, «благополучных народов». Вот что пишет в предисловии к русскому изданию своей книги «Волшебный мир немецкого языка» Франц Штарк: «В немецком и российском обществе при всем различии присутствует одна общая черта — кризис самосознания. А тот, кто задумывается о собственной культурно-исторической идентичности, не может пройти мимо такого важнейшего фактора, как *язык*. Эта книга была написана в 1991–1992 годах, в тот период, когда вновь обретенное единство поставило перед немцами вопрос, а что же их объединяет, почему они по-прежнему представляют собой *один* народ и на основе каких традиций они могли бы строить старую-новую общность...»

Становится понятным, зачем А. Ахматова так энергично указывала на то, что требуется спасать от плена тевтонских захватчиков:

И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесём,
И внукам дадим и от плена спасём
Навеки!

Для такого понимания, которое, к сожалению, огромному количеству людей разных сфер и профессий покажется, мягко выражаясь, напыщенным, восторженным или истерично-кликушеским, разумеется, необходимо с огромным почтением относиться к слову, которое мы, по малости наших сил, склонны снижать до уровня наших бытовых возможностей:

Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества,
И, как пчелы в улье опустелом,
Дурно пахнут мёртвые слова.

Вместо того чтобы с помощью Слова угадывать и пытаться очерчивать предельные задачи страны и народа:

Но забыли мы, что осиянно
Только слово среди земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что слово — это Бог.

Можно по-разному относиться к этим поэтическим суждениям Николая Гумилёва, если бы не определённые факты, которые автора статьи просто принуждают буквально понимать эти строки.

Во-первых, есть факт Благой вести, Евангелия, факт самого Слова, которое было у Бога и которое было Бог.

Во-вторых, приведённые выше поэтические фрагменты принадлежат родителям Льва Николаевича Гумилёва, историка и географа, «объективного ученого», впервые поставившего проблему этногенеза или народообразования, совершившего попытку разрабатывать теорию происхождения новых народов как уникальных форм мирораспространения, мирооживания, мироосвоения и мироразвития.

В-третьих, отдельные передовые народы и страны уже с десятков лет реализуют принцип «язык творит народ» на практике, в виде конкретно организованного государственного дела. Речь идёт, в частности, о Совете по развитию малайзийского языка (Деван Бахаса дан Пустака). А агрессивное распространение английского во всех его вариантах, в его Ин-

тернет-монополии — разве это не метод народовоспроизводства англосаксов?

В-четвёртых, существуют множественные известные факты мировых языков — от латинского средневекового до английского коммерчески-делового. Чем же, русский хуже? Почему бы именно русскому — языку Пушкина, Толстого, Достоевского и Шолохова — не взять на себя заботу восстановить память человечества, описать мировые проблемы и возможные их решения?

В-пятых, наконец, хорошо известно, как русская словесность выпевала и выражала, закрепляла выдающиеся мировые события русской истории. Но фактом является и то, что русская словесность и слово также непосредственно и наперёд определяли и по-прежнему определяют народное сознание. Это замечательно и точно показано в огромном числе работ, но в последнее время появилась замечательная концентрация и обобщение этой определяющей силы русской словесности в выдающихся трудах В.В. Кожина «История Руси и Русского Слова», «Россия. Век XX. Опыт беспристрастного исследования».

Но это свойство русской словесности касается и непосредственно переживаемой нами истории, истории настоящего и будущего. Так, с нашей точки зрения, великий «Тихий Дон» Михаила Александровича Шолохова есть не столько описание происшедшего, сколько плач и прямые заветы нам и миру на грядущий век, в котором человечество имеет единственный шанс выжить и спастись, сохранить белый свет — путём беззаветного служения красоте и любви против «проползающих по проулкам и улицам чёрных слушковых», против «бабьей зависти», которая питалась «радужными узорами» шелковой шали, в которую была закутана маленькая жена Прокофия Мелехова, которую тот привёл из Туретчины и которую, как ведьму, «наведя суд», «в землю втолкнули», забили до смерти казаки, чтоб, как им виделось после хуторского схода, остановить небывалый падёж скота, случившегося в тот страшный год, и после чего, раскидав шестерых казаков и сорвав со стены пашку, «у амбара Прокофий настиг тяжёлого в беге батареяца Люшню» — своего полчанина! — «и сзади, с левого плеча наискось, развалил его до пояса». И преждевременно родившийся недоношенный ребёнок, которого назвали Пантелеем, через десятки лет вместе со своими детьми — Петром, Григорием и «отцовой слабостью» Дуняшкой — по полной мере испили крови русского народа, расколовшегося задолго до 1917 года, там, на отшибе у Дона, около куреня, где славный суд навела казачья толпа, и где, в предшествующие этому суду-началу месяцы «Прокофий вечерами, когда вянют зори, на руках носил жену до Татарского, ажник, кургана. Сажал её там на макушке кургана, спиной к источённому столетиями ноздреватому камню, садился с ней рядом, и так подолгу глядели они в степь. Глядели до тех пор, пока истухала заря, а потом Прокофий кутал жену в зипун и на руках относил домой. Хутор терялся в догадках, подыскивая объяснение таким диковинным поступкам, бабам за разговорами поискаться некогда было...»

За этими интуициями и фактами, которые можно продолжать, важно не утратить ядерную содержательную характеристику переживаемой ныне миром ситуации: нарообразование и языкотворение является теперь, после двух страшных мировых войн, не столько фактом прошлого, сколько фактом настоящего, делом сознательно пристраиваемого и исторически достойного будущего, которое касается каждого отдельного человека и каждой конкретной семьи в мире. Более того, мы сегодня вынуждены, если хотим выжить как народ и страна, «строить старо-новую общность» на своих собственных основаниях. И очень важно сегодня не спешить с отчаянием или с готовыми рецептами, очень важно найти время, чтобы добросовестно «поискаться».

В основу языковой политики России должна быть положена доктрина развития русского языка

Язык никогда не нужно обновлять, поскольку он есть субстанция, несравнимо более мощная, чем любой из людей, коллективов, общественно-государственных или международных институтов. Обновлять необходимо себя самих и наше отношение к языку. И де-

лать это через восстановление и переосмысление языковой политики и техники. Мы бы хотели предложить технологический подход к проблеме развития русского языка как условия и механизма восстановления российской государственности.

Организационную роль по развитию русского языка должна выполнить принимаемая на уровне Президента Российской Федерации и Госсовета Национальная доктрина развития русского языка. Она должна строиться на анализе и инвентаризации подходов, которые сегодня существуют в этой области и которые актуально прочерчивают круг проблемы русского языка.

Кратко представим здесь шесть известных подходов.

Первый принадлежит А.И. Солженицыну и представлен в «Словаре расширения русского языка». В основе этого подхода — идея удержания вербального состава и самого поля языка, включения всех диалектов и ранее активно употребляющихся слов — того, что привычно именуется анахронизмами. При анализе этого подхода не будет, конечно, лишним помнить о том, что составление своего словаря А.И. Солженицын начал в ГУЛАГе.

Второй подход принадлежит экономисту Виталию Аркадьевичу Найшулю. Он, пребывая в борениях с государством, достаточно точно демонстрирует оргтехническую функцию русского языка и показывает элементы его деградации, вызванные тотальным огосударствлением общества и всевластием административно-бюрократической системы. Найшуль предлагает жёстко разделить политику и экономику, создать наконец «общенародный язык государственования и хозяйствования». Вряд ли можно согласиться с предлагаемыми им конкретными рецептами, но надо отдать должное Найшулю в том, что он выделяет, характеризует политическую функцию языка, показывает существование огромного количества «отраслевых», или «сферных» достаточно автономных языков.

Третий подход принадлежит Евгению Михайловичу Верещагину. Он считает, что сегодня «вполне очевиден нравственный долг русской нации — создать собственное, народное Священное Писание (и в первую голову Евангелие) рубежа второго и третьего тысячелетий христианской эры. Это национальное Священное Писание должно не только точно передавать иноязычные оригиналы, и не только быть до конца понятным образованному человеку 2000 г., но и соответствовать складу (идиоматике) современного русского литературного языка, отвечать взыскательному вкусу и тонкому языковому чутью истинно авторитетных (просвещённых, безупречных и духовных) русских людей.

Цель создания (ново)русского Священного Писания является двоякой: новая версия призвана отразить уровень библейских разысканий и богословских осмыслений, достигнутых к настоящему времени, но она должна также служить непосредственным воплощением актуальной языковой культуры народа, которая (как вообще любая культура), с одной стороны, подытоживает прошлые духовные достижения, хранит их, передаёт от поколения к поколению и, с другой, властно определяет путь развития языка в будущем...»

Этот третий подход имело бы смысл назвать традиционалистским или воспроизводственным. Недаром его автор проделал уникальную работу по анализу и описанию всех переводческих принципов Кирилла и Мефодия, вводит чрезвычайно многообещающую для науки и практики, прежде всего образовательной, концепцию «человека-языкотворца».

Четвёртый подход разрабатывает В.С. Непомнящий. Он считает, что христианская основа пушкинской, современной и будущей российско-русской культуры нуждается в разработке филологического метода, где филология требует буквального перевода — не просто любви к словам как к грамматическим единицам речи, а любви к **логосам**, как смыслам, творящим силам, организующим принципам воспроизводства родового сознания человека и человечества.

Пятый подход принадлежит О.С. Баранову, автору «Идеографического словаря русского языка» (М., 1990), сделанного, как отмечает автор, однотипно с английским словарем Роже (*Roget P. Thesaurus of English words and phrases*, первое издание которого состоялось в 1852 году). Словарь построен по принципу выделения идейной стороны языка и приведения слов к родовым понятиям в отношении объекта как целого на пересечении около де-

сятка категорий и около 50 базовых понятий. К этому подходу примыкает огромное количество работ по анализу киноязыка, языка телевидения и экранной культуры в целом, а также языка Интернета и сетевых медиасистем и сообществ.

Шестой подход принадлежит методологу, доктору психологических наук Ю.В. Громыко. Он и его коллектив предлагают проинвентаризировать на русском языке весь современный опыт и знания, с точки зрения задачи создания новых наук и практик, введения новых принципов научности и практичности, описания средствами языка всех авангардных или пионерных нарождающихся на наших глазах фрагментов будущих наук и практик и представить эти описания в виде Проектной энциклопедии.

Нам представляется, что на основе проработки этих подходов можно выдвинуть три идеи национальной доктрины развития русского языка.

Во-первых, русский язык должен стать мировым, входящим в отношение со всеми языками мира и способным адекватно описывать все ведущие мировые проблемы, все главные заботы мирового сообщества собственными средствами.

Во-вторых, русский язык должен стать средством восстановления и развития российской социальности и в первую очередь села, промышленности (с опорой на современное машиностроение), науки как сферы порождения новых наук и практик, образования.

В-третьих, русский язык должен стать иеровербальным, т.е. в «официальный» состав русского языка и его морфологии должны быть введены «боковые» и «второстепенные» «иероглифические» языки, носящие невербальный (несловесный) характер.

Проблема иеровербальности русского языка чрезвычайно сложна и многообразна. Здесь мы только отметим очевидную необходимость иеровербальных разработок в сфере создания разнообразных компьютерных сетей и, в частности, освоения всемирной сети Интернет.

Правильная языковая политика позволит создать российскую систему полезных сетей, обеспечивающих реальное развитие российского образования и создания нового рефлексивного машиностроения, основанного на различных станках с экранно-компьютерным представлением процессов обработки в реальном времени. Именно правильно организованные сетевые операционные системы, позволяющие различным субъектам образования и промышленности одновременно осуществлять через дисплеи совидение и соучастие во всеобщем труде и деятельности страны, позволят нам восстановить реальную мощь России.

Смысл и цель доктрины таким образом — создать принципиально новый всемирный иеровербальный русский язык как основу народа и новой культуры и государственности России.

Форма дух бережёт

Большие замыслы, как известно, подрываются на мелочах. Такой вот погибельной мелочью для выработки и реализации творческой языковой политики может стать так называемая «орфографическая реформа», готовящийся проект «Свода правил русского правописания». С нашей точки зрения, сами идейные основания такой реформы, не говоря уже о конкретных предложениях, носят откровенно антиобразовательный и антикультурный характер и поэтому чрезвычайно вредны. Приведу конкретный образчик мимоходного рассуждения вельми учёных реформаторов.

В проекте новых правил предлагается в словах «парашют» и «брошюра» писать вместо «ю» — «у», по русскому правилу (шум, шурин, шутка, шунт, ушу, кашу и пр.). Для любого мало-мальски чуткого к языку человека существующее написание является крайне удачным и единственно возможным, поскольку оно однозначно фиксирует, утверждает (с помощью буквы «ю»), не позволяет забыть, что данные слова заимствованы из французского языка, в котором действительно нужно произносить «шю», а не «шу», и, стало быть, данные слова никаким русским правилам подчиняться не должны.

Но для реформаторов подобное насилие и филологическая трансмутация не просто желательны почему-то, но и абсолютно естественны. Это, конечно, в духе времени, когда изменение половой ориентации кое-где становится признаком хорошего тона. Но языки русский и французский — их жалко.

А теперь обозначим саму многоучёную логику, фундаментальное основание новаций, символ веры. Старший научный сотрудник Института русского языка имени В.В. Виноградова Российской академии наук Ирина Левонтина в газете «Известия» (15.02.2001 г.) запросто заявляет: «Противники грядущих изменений смешивают орфографию и язык. Орфография не имеет отношения к естественной жизни языка. Это его оболочка. Язык развивается по другим законам...» В подобном «научном творчестве» не было бы особой беды, если бы эту же мысль не пришлось встретить у академика Российской академии образования, директора Института русского языка им. А.С. Пушкина В.Г. Костомарова: «... Сказывается косность нашего общества, которое не хочет понимать, что орфография — это не язык, а мундир языка. А мундир на человека можно надеть разный: и военный, и штатский, и клоунский — какой захочешь... Язык ушел вперед, а его костюм шит по моде конца пятидесятых годов...» (Российская газ. 13.02.2001 г.)

Ну, а когда уже в третий раз встречаешь эту схему у директора института русского языка им. В.В. Виноградова РАН доктора филологических наук А. Молдована «Необходимо понимать, что орфография — это не язык, и изменения в орфографии — это не изменения в языке. Орфография — некий условный способ передачи речи на письме...» — то понимаешь, что подобная логика не является интеллектуальной собственностью исключительно академика В. Костомарова и старшего научного сотрудника И. Левонтиной. Это не отдельные точки зрения — это уже некое учение.

Правда, читая другие откровения того же В.Г. Костомарова, начинаешь понимать, почему у старшего научного сотрудника и у директора-академика такая «мундирная» логика. В.Г. Костомаров, к примеру, в интервью «Российской газете» походя делает следующее выдающееся открытие начала III тысячелетия: «Кстати, мы единственная страна в мире, которая пишет коммунизм через два «м» ...» М-м-м-да... Во всех английских, немецких и французских языках и словарях, разумеется, два *m* ... По-другому и быть не может, поскольку в основе лежит важнейшее латинское слово с приставкой *com-*, обозначающей совместность делания (коммуникация, комиссия и др.) и присоединяемое к корню *munio*, начинающегося с *m*, и поэтому в итоге — удвоенное *m*.

Эта стая кандидатов на Нобелевскую премию (прекрасный разнос этим господам от высокой академической науки учинил публицист Максим Соколов в своём недельном фельетоне в газете «Известия» за 15.09.2000.), несомненно, никогда уже не поймёт простых мыслей простых читателей — таких, как, к примеру, Л.М. Котляр из Санкт-Петербурга («Известия», 26.10.2000 г.), который пишет: «Очень характерна попытка не улучшить обучение, а упростить правила — говори как вздумается...». Или незамысловатого рассуждения простого педагога из г. Ногинска И.И. Мишкеткуль: «Я бы не рассматривала орфографию в отрыве от лексики, фонетики и словообразования. Чтобы написать правильно слово, нам важно знать его значение, как оно образовано и почему это слово так произносится...» (Богородские вести. 22.07.2000 г.).

Куда этим простым людям тягаться с академиком В.Г. Костомаровым: «Русский язык будет, кстати, таким, каким он будет нравиться молодёжи, если не сегодня, так через 10–15 лет». — Корреспондент спрашивает академика: «Слова «круто» и «ты, парень, попал» его обогащают?»

— А почему нет?... — отвечает академик.

И ещё перл великоучёности: «Конечно, я не могу сказать, какая судьба сложится у жаргонных словечек (они, кстати, из уголовного жаргона все пришли) «крутой», «тусовка» и так далее». *Корр.*: Откуда берутся такие слова? Например, слово «тусовка»? — Ужасное слово. Мне так казалось и всем так казалось. Но ведь оно уже вошло в обиход...». Наконец, раскрытие святой тайны метода высокоучёных новаций: «Когда ошибка становится мас-

совой, она перестаёт быть ошибкой и превращается в новое правило».

За этим чудовищным признанием, годным для того, чтобы стать манифестом двоечников и уголовников всего мира, — полный отказ от позиции и субъектности, от мужества нормировать и отвечать за нормирование как основу сохранности и органичности языка. И — жизни. Так что, по Костомарову, ничего, что слова «из уголовного жаргона все пришли...» Ведь они уже вошли в обиход...

Ясно, конечно же, что стоит за этими стратегиями упрощения и сдачи позиций: уничтожение смысловразличительности, разрушение фонематического и морфологического принципов русской орфографии и в конечном счёте смешение и примитивизация строя русского языка.

«Простой» педагог из города Ногинска понимает фундаментальную языковую связность написания и смысла, написания и всего строя языка, всего языка как такового; понимает, что форма, как говорят русские монахи, дух бережёт. Эту связность понимал выдающийся русский философ И. Ильин, когда писал: «... Вопрос правописания... Какое же «писание» есть верное или правое?

Отвечаем: то, которое точно передаёт не только фонему, насыщенную смыслом, и не только морфему, насыщенную смыслом, но прежде всего и больше всего самую семему. И скверное или кривое «писание» будет то, которое не соблюдает ни фонему, ни морфему, ни семему». (*Ильин И.А.* Наши задачи. Т. 2. «О русском правописании», С. 97.)

Великую материальность и вещественность языка, подлинную его морфологию прекрасно осмыслил и показал великий русский мыслитель Н.Ф. Фёдоров. Он, в частности, писал: «... Название почерка, господствовавшего в средние века, готическим, т.е. одним названием с архитектурой храмов, соединявших в себе все искусства, строившихся многие века, так что окончание их могли видеть лишь потомки начавших постройку этих храмов, это название, общее всем сторонам жизни, показывает, в какой тесной связи письмо находится со всей жизнью этого времени. Точно так же название в Древней Руси, в Руси Византийской, почерка уставным и полууставным, т.е. одним названием с уставом, которому подчинялась вся жизнь тогдашнего времени, жизнь духовных и светских, такое название свидетельствует о способности письма быть графическим изображением духа времени...»

... Скоропись, урезывая буквы, как урезают в ту же эпоху платье, как сокращают церемонии и обряды, лишает их (буквы) величия; лишаются величия и люди, свергнувшие иго устава и предавшиеся суетливой, лихорадочной деятельности, мельчающие в ней, обезличивающиеся и сливающиеся в толпу...» (*Фёдоров Н.Ф.* Философия общего дела. Новосибирское кн. изд-во, 1993.)

И даже писатель-модернист Владимир Сорокин вместе с нами, с гениальным Николаем Фёдоровым, с Л.М. Котляр из Санкт-Петербурга, с выдающимся Иваном Ильиным, с И.И. Мишкеткуль: «Языку учить надо, а не упрощать его» (Коммерсантъ. 01.09.2000 г.).

С нашей точки зрения, правильный курс реформирования правописания должен быть прямо обратный курсу очередных горе-реформаторов: к дореволюционной орфографии, к языку Пушкина, Достоевского, Розанова, Флоренского и Цветаевой (она до конца своей жизни писала по-дореволюционному).

Никакие разговоры о «сложности» дореволюционной орфографии не должны никого убеждать. Материя письменной и звуковой речи — основа языка, а не мундир, костюм или прочая чушь из жаргона наших московских лавочников. Кривописание ведёт к кривомышлению и кривой жизни. Что важнее?

В языке нет ничего случайного. Россия будет жить, пока «корова» будет писаться через «о», пока позиция высокого «о» не будет уничтожена примитивизаторами. Язык действительно творится в результате деяний людей-языкотворцев (термин Е.М. Верещагина), которые выявляют, организуют и дополняют образующие языковой строй принципы через собственное подвижничество, позицию, закрепляя взятые высоты и позиции в позиционности и точности языка.

Поэтому и детей, и взрослых, — всех, кто хочет жить некриво, надо (на добровольной, естественно, основе) вводить в систему принципов, системно-типологически организующих действенно-логический строй русского языка. Надо вводить в базовые принципы русского языкового строя, а не в эмпирические итоговые правила-алгоритмы, изобретаемые по случаю академиками и снс-эмами, готовыми ради оправдания нужности своих организаций устроить заговор против родного языка.

Да, подлинные реформы правописания, орфографии не только случаются после социальных революций, но они лежат и в основании всемирно-исторических прорывов народов и государственных. Создание глаголицы и кириллицы — убедительный тому пример.

Нам сегодня надо выбрать: либо продумывать кардинальную реформу (но нужны Кирилл и Мефодий, а не горе-реформаторы, либо допускать деградацию, примитивизацию и разрушение нашего языка под видом новаций.

Механизмы разработки и проведения российской языковой политики

Очень интересен опыт проведения языковой политики в такой далекой и, к великому сожалению, ещё очень плохо известной в России стране, как Малайзия.

Малайзия не боится ставить в качестве стратегической задачи построение мировой державы на основе промышленного принципа. Для этого она изучает лучший опыт всего мира, а специально созданные правительственные структуры, например, Деван Бахаса дан Пустака (Совет по развитию языка) переводят на малайский язык все важнейшие понятия всех эффективных наук и практик. Будущее своего языка страна видит не только макро-региональным и транснациональным, но и мировым. Министр образования в Малайзии является третьим по рангу высшим чиновником страны после премьер-министра и министра обороны. И при разговорах с различными чиновниками, бизнесменами, учёными всегда почувствуешь понимание ценности языковой политики, образования и фундаментальной науки, несмотря на то, что самого феномена такой науки там пока нет.

В России сегодня так же необходимо создать подобный Деван Бахаса дан Пустака (Совет или Комитет по развитию языка или по языковой политике в ранге министерства языковой политики). Эту мысль, в частности, высказывала в печати ректор Лингвистического университета И. Халева.

Также возможно ввести пост и должность уполномоченного при Президенте Российской Федерации по русскому языку и развитию российских языков.

Я начал статью с утверждения о том, что язык исходно носит образовательный характер. Если нам удастся начать правильно ставить и разрабатывать проблемы языковой политики, то возможно, удастся преодолеть идентификационную катастрофу. Следующим шагом может стать постановка проблемы создания необходимого стране образования.

С нашей точки зрения, у России есть все возможности для того, чтобы в течение ближайших примерно десяти лет иметь лучшее в мире образование, причём для каждого без исключения российского ребёнка и подростка. Более того, мы убеждены, единственная возможность для России вновь стать мировой державой именно в том и состоит, чтобы предложить миру новую формацию образования, построенную на личностном или персоналистическом принципе, в том, чтобы стать страной — законодателем мод в образовании. На место мировой революции 20-х годов сегодня нужно поставить мировую образовательную революцию. (Пока наши кухарки обсуждают проблему рынка, займов и упрощения орфографии интеллигентный цвет оборонного и внешнеполитического сообщества США из РЭНД-корпорейшн обсуждает стратегию ноосферной мировой революции с США в качестве лидера. См. www.rand.org/publications/MR/MR1033).

Впрочем, это уже тема отдельного большого разговора.